

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/141-158

Научная статья

© Т. С. Киссер

ОТ ЧУМА К КВАРТИРЕ: РИТМОГРАММЫ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ У НЕНЦЕВ

В статье рассматривается трансформация всех сфер женской повседневности при переходе от чума к квартире (имея в виду не эволюционный сдвиг, а сезонный ритм полуночевой жизни). На основе сравнительного анализа ритмограмм двух женщин — Татьяны Соболевой в тундре и Маргариты Тайборей в поселке, выявлены изменения в организации жилого пространства, хозяйственных практиках, социальных коммуникациях. Полуночевой образ жизни ведет к перераспределению видов деятельности, трансформации предметного мира и адаптации традиционных практик к новым условиям. В поселке женщины сталкиваются с необходимостью сочетать привычные занятия, связанные с оленеводством и домашним хозяйством, с новыми возможностями и требованиями оседлой жизни. Социальные связи становятся более разнообразными и опосредованными техническими средствами, расширяется круг социальных и виртуальных контактов. Однако некоторые традиционные ценности, такие как значимость родственных связей и поддержка родного языка, сохраняются. Автор статьи приходит к выводу, что адаптация ненцев к оседлости и городской жизни представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий в себя как освоение новых практик и возможностей, так и сохранение традиционных элементов культуры в новых условиях. Женщины играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость ненецкой культуры в меняющемся мире.

Ключевые слова: ненцы, женская повседневность, ритмограммы, новыйnomадизм, кочевье, оседлость, пространство

Ссылка при цитировании: Киссер Т. С. От чума к квартире: ритмограммы женской повседневности у ненцев // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 141–158.

Киссер Татьяна Сергеевна — к. и. н., заместитель директора по научно-организационной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 3). Эл. почта: tkisser@bk.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9246-2787>

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00166 «Новый nomадизм кочевников Арктики» (<https://rscf.ru/project/24-78-00166/>).

UDC: 39+069.01

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/141-158

Original article

© Tatiana Kissner

FROM CHUM TO APARTMENT: THE RHYTHMOGRAMS OF WOMEN'S EVERYDAY LIFE AMONG THE NENETS

The article examines the transformation of all spheres of women's everyday life during the transition from living in a chum to living in an apartment (not an evolutionary shift, but the seasonal rhythm of semi-nomadic life). Through a comparative analysis of two women's rhythmograms — Tatiana Soboleva in the tundra and Margarita Taiborei in the village, changes in the living space organization, economic practices, and social communication are revealed. Semi-nomadic life leads to a redistribution of activities, a transformation of the objective world, and an adaptation of traditional practices to new conditions. In the village, women face the need to combine their usual reindeer herding and housekeeping activities with the new opportunities and requirements of settled life. Social ties become more diverse and mediated by technical means, the range of social and virtual contacts expands. However, some traditional values, such as the importance of family ties and support for the native language, persist. The author concludes that the adaptation of the Nenets to a settled and urban life is a complex and multifaceted process, involving both the development of new practices and opportunities, and the preservation of traditional cultural elements in new conditions. Women play a key role in this process, ensuring the continuity of generations and the sustainability of the Nenets culture in an ever-changing world.

Keywords: Nenets, women's everyday life, rhythmograms, new nomadism, nomadism, sedentary life, space

Author Info: Kissner, Tatiana S. — Deputy Director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tkisser@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9246-2787>

For citation: Kissner, T. S. 2025. From Chum to Apartment: The Rhythmograms of Women's Everyday Life Among the Nenets. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 141–158.

Funding: The study was funded by the Russian State Foundation, project number 24-78-00166 (<https://rscf.ru/project/24-78-00166/>).

Процессы урбанизации коренных народов Севера привели к кардинальным изменениям в их образе жизни и культуре. Заметны эти перемены и в женских повседневных практиках. В традиционной культуре ненцев женщины играют ключевую роль в организации домашнего пространства и быта, выполняя широкий спектр обязанностей — от ухода за детьми и приготовления пищи до изготовления одежды и обустройства чума. Ритм их жизни неразрывно связан с сезонными циклами кочевья, хозяйственными занятиями и социальными взаимодействиями внутри стойбища.

Современные кочевники успешно адаптируются к новым реалиям, научившись сочетать традиционный образ жизни в тундре с возможностями городского и поселкового быта. Тундровые кочевники поддерживают тесную связь с городами и поселками, регулярно посещая их для приобретения необходимых товаров, получения медицинской помощи, образования детей и решения административных вопросов. Таким образом, кочевники сегодня балансируют между двумя мирами, сохраняя свою самобытную культуру и традиционный уклад жизни в тундре, одновременно пользуясь оседлыми «благами цивилизации». Подобный симбиоз можно назвать не-отрадиционным полукочевым образом жизни.

Общины, ведущие полукочевой (или полуоседлый) образ жизни, летнее полугодие обычно проводят в тундре, а зимнее — в поселке (городе). При этом мужчины продолжают и зимой выезжать в тундру для окарауливания оленей, оставляя женщин на зимних квартирах. Подобная сезонная дислокальность позволяет усилиями мужчин и женщин комбинировать тундровые и городские (поселковые) ресурсы для обеспечения устойчивости системы жизнеобеспечения.

Примером подобного «новогоnomадизма» является ненецкая община «Ямб То» (букв. ‘Длинное озеро’), кочующая в Большеземельской тундре Ненецкого автономного округа. О небольшой семейно-родовой ненецкой общине «Ямб То» долгие десятилетия не было сведений: в позднесоветское время эти люди были «гражданами тундры», формально не имея ни паспортов, ни прописки. Как принято считать, их обособление началось в 1930-е годы, когда в Большеземельской тундре стали создавать колхозы. Спасаясь от коллективизации, крепкие хозяева-ненцы скрывались в отдаленных тундрах, объединившись в «тайную» кочевую общину. Эта изоляция стала возможной и длилась десятилетиями во многом благодаря пограничному местонахождению кочевников между Ненецким и Ямало-Ненецким округами. В годы безвестности ненцы из «Ямб То» обходились минимумом контактов с внешним миром: в основном с геологами, нефтяниками, газовиками, которых тогда было много в Большеземельской тундре. Кочевники меняли у них мясо и рыбу на муку, соль, патроны и вновь растворялись в тундре.

В начале 1990-х годов общинники «Ямб То» были вынуждены явить себя миру. Изменения, произошедшие на заре рыночных преобразований, разрушили сложившуюся за долгие годы систему товарообмена. Сегодня в этой семейно-родовой общине больше 20 семей; все они родственники, разговаривают между собой исключительно на ненецком языке; дети дошкольного возраста и многие женщины вообще не знают русского. Глава общины Федор Нокрета (Окотэтто) считает, что дети оленеводов должны учиться только до 5–6 класса, чтобы уметь читать и писать, а затем им следует возвращаться обратно в тундру, иначе они уже не смогут стать настоящими кочевниками (ПМА-2023). В общине много оленей, а в семьях много детей; девушек общины охотно сватают из других тундр. Телевизоры и компьютеры в общине — редкость, но в ходу телефоны и рации. Женихов и невест находят через интернет зимой, когда появляется доступ к сети (Киссер, Перевалова 2024: 128).

Оленеводы общины «Ямб То» кочуют в тундре примерно 7 месяцев в году, в остальное время живут в Воркуте и ближайших поселках, откуда мужчины регулярно выезжают в стадо, а женщины ведут городской образ жизни («нам из поселка в стадо примерно столько же километров, как и от стойбища»; «если всю зиму жить в тундре, то разориться можно на бензине, мы на него и так денег тратим больше, чем на еду»).

Тундровики по-новому используют свой кочевой потенциал и опыт в выстраивании системы жизнеобеспечения, в том числе в режиме оседлости. Сегодня они считают «жизнь в тундре» способом заработать на «жизнь в городе» (Киссер 2024: 194).

Первым об этой группе написал норвежский антрополог Ивар Бьёрклунд, посетивший Большеземельскую тундру в 1995 г. В своем отчете о поездке он писал, что «члены группы не имеют и никогда не имели советских паспортов, что их дети никогда не ходили в школу и что многие из них не умеют разговаривать по-русски, не говоря уже о навыках чтения и письма» (*Bjørklund* 1995: 73). Бьёрклунд еще неоднократно в конце 1990-х — начале 2000-х гг. посещал тундру и даже участвовал в организации «кочевых школ».

Экспедиции сотрудников МАЭ РАН в общины проводились трижды: в 2023 г. Т. С. Киссер и Е. В. Перевалова провели «этнографическую разведку»: наладили контакты с главой общины и оленеводами; летом 2024 г. Т. С. Киссер и Д. А. Куканов осуществили выезд на стойбище, где им удалось побывать в двух семьях, перекочевывать, поучаствовать в празднике «День оленевода»; в 2025 г. Т. С. Киссер совершил выезд в п. Воргашор и г. Воркута (Республика Коми), где оленеводы проводят зиму и часть весны, кроме того, вместе с оленеводами состоялся выезд в стадо.

Основная задача наших поездок заключалась в изучении мобильности коренных народов Арктики и их самобытного опыта жизнеобеспечения в современных условиях. Мы апробировали новую методику записи движения и жизнедеятельности (ритмограммы) с помощью новейших инструментов видеозаписи и картографирования (экшн-камеры, Gps-навигатор, GoPro, круглосуточные камеры видеонаблюдения) (Головнёв 2018: 24). Кроме того, мы применяли метод включенного наблюдения, постоянно проживая с объектом исследования, фиксировали последовательность и мотивы действий, набор действий по времени (поминутно), гендерное разделение обязанностей и сочетания нескольких занятий. Мы вели полевые дневники, осуществляли фотосъемку нон-стоп и записывали персональные рассказы о действиях и их отражении в ненецком фольклоре. Были записаны женские и мужские ритмограммы в тундре и поселке. Местные жители восприняли наш эксперимент сначала с настороженностью. Но на вопрос «зачем нам это нужно?» мы отвечали, что кочевники являются лучшими в мире учителями движения и поэтому изучать арктическую мобильность нужно на примере народов Севера. Этот ответ их более чем удовлетворил.

Северные культуры замечательны (каждая по-своему) экстраординарной адаптивностью и мобильностью, искусством контроля над большими пространствами, выверенными ритмами ресурсопользования и расхода энергии, чередованием и взаимодополняемостью действий мужчин и женщин, людей и животных. Иногда при взгляде на динамичные действия арктических кочевников складывается впечатление об их за предельной энергии, вызывающей ассоциацию с вечным двигателем. В этом же ключе заслуживает внимания искусство чередования состояний быстрого сна и быстрого действия, умение экономить и в нужный момент мобилизововать силы, тепло, скорость (Головнёв 2015: 12, 13). Пока нам удалось лишь приоткрыть эти специфические ресурсы и технологии северян, их качества мобильности, мобилизации, ответственности, взаимопомощи, власти над своей судьбой и т. д. Проникнуть в тайны деятельностиной энергетики, мотивационных импульсов, духовно-телесной самоорганизации и других особенностей поведения северян позволяет частично апробированная группой этнографов и дизайнеров под руководством А. В. Головнёва методика записи ритмограмм,

позволяющих раскрыть «молекулярную структуру» движения кочевников в динамике жизни и освоении ресурсов тундры (Головнёв и др. 2018).

Данная статья посвящена анализу изменений в женской повседневности ненцев на основе записанных ритмограмм в тундре и городе. Эти ритмограммы представляют собой новый источник, в котором отражена детальная поминутная фиксация всех видов деятельности и перемещений человека в течение суток, что позволяет представить структуру и ритмы повседневной жизни. Сопоставление ритмов женщин в традиционном тундровом стойбище и в поселковой квартире дает возможность проследить, как меняются их обязанности, режим дня, способы организации домашнего пространства и социальные взаимодействия.

Изучение женской тематики в культуре ненцев имеет относительно недолгую историю в отечественной этнографии. Среди специальных наблюдений и исследований этого направления можно отметить работы Л. В. Хомич (*Хомич 1951*), Л. В. Кириловой (*Кирилова 1995*), А. Г. Поповой (*Попова 2004*), Г. П. Харючи (*Харючи 2010*), Е. А. Волжаниной (*Волжанина 2010*), Е. В. Лярской (*Лярская 2010*), С. Е. Сэрпиво (*Раздымаха*) (*Сэрпиво 2016; Сэрпиво 2022*). Однако, несмотря на растущий интерес к данной теме, многие аспекты женской повседневности и адаптации к современным условиям у ненцев остаются малоизученными и требуют дальнейшего исследования.

Ритмы тундры и поселка

Для анализа и сравнения были выбраны две ритмограммы: запись действий Татьяны Соболевой в тундре 27 июля 2024 г. (с 07:00 до 21:45) и запись действий Маргариты Тайбарей в поселке Воргашор 26 марта 2025 г. (с 09:20 до 00:30). Эти ритмограммы отражают контрастные условия жизни кочевников — традиционный образ жизни в тундре летом и адаптированный к современным реалиям быт поселковой оседлости весной, что позволяет проанализировать различия и сходства в повседневных ритмах активности в зависимости от сезона и места проживания.

Татьяна Соболева — ненка, 25 лет, пapa — ненец (род Вылка), mama — коми. Замужем, муж Семен Соболев, сын и дочь (дошкольники) живут с родителями в тундре. В их чуме постоянно проживает младшая сестра Татьяны — Лиза, которая помогает ей по хозяйству. На стойбище живут еще 3 семьи: родители Семена с братом Алексеем и сестрой Анной (оба не в браке), брат Степан с женой Екатериной и тремя детьми, брат Иван с женой Еленой и двумя детьми (ПМА-2024).

Маргарита Тайбарей — ненка, 30 лет, из рода Валей. Замужем, муж Ефим Тайбарей (во время записи находился в тундре со стадом), в семье четверо детей: две дочери учатся в школе-интернате п. Карагайка (с родителями в тундре живут в летнее время), маленькие сын и дочь постоянно живут с родителями. В зимний период Маргарита с семьей проживает в квартире с родителями, сестрой и зятем в п. Воргашор (ПМА-2025).

В тундровых условиях распорядок дня привязан к природным циклам (восход/закат солнца) и ритмам оленеводческого хозяйства (время выпаса стада, перекочевки). День Татьяны начинается около 7:00 утра и насыщен трудовыми практиками (приготовление пищи, уход за детьми, сбор дров, помощь мужу в окарауливании стада). Периоды отдыха и досуга кратки и встроены в ритм трудовой активности. Женщина постоянно использует природные ресурсы — собирает дрова и носит воду, ори-

ентирируется на погодные условия при планировании дел, учитывает передвижение оленей. Ее деятельность синхронизирована с ритмами других членов стойбища и подчинена коллективным жизненным задачам семьи и общины.

В поселковых условиях распорядок дня подчиняется общим городским (поселковым) ритмам. Трудовые практики концентрируются в рабочее время, а досуг — в свободное. День Маргариты начинается позже тундрового — около 9:20 утра. Больше времени уделяется досугу (в том числе общению по телефону). Ритм жизни в поселке характеризуется большей индивидуализацией и автономией от природных факторов. День женщины здесь в меньшей степени зависит от смены дня и ночи, погодных условий и движения оленей. На первый план выходят социальные и экономические факторы — распорядок работы учреждений, необходимость вести домашнее хозяйство в условиях квартиры или дома.

Сравнение общего количества действий Татьяны Соболевой в тундре (223 действия) и Маргариты Тайбарей в поселке Воргашор (382 действия) демонстрирует существенные различия в интенсивности и разнообразии их ежедневной активности. Меньшее количество действий Татьяны в тундре связано с устойчивым распорядком, разумеренным темпом и меньшим количеством отвлекающих факторов. Ограниченный доступ к современным технологиям и коммуникациям, а также более длительный световой день летом позволяют сосредоточиться на основных задачах, таких как уход за оленями, приготовление пищи и поддержание порядка в чуме.

В свою очередь, большее количество действий Маргариты в поселке отражает современную коммуникативную реальность, предполагающую активное взаимодействие с окружающей инфраструктурой, одновременное и/или кратковременное использование различных сервисов, технологий, вещей. Необходимость совмещать традиционные домашние обязанности с новыми формами активности, такими как походы в магазины, поликлинику, общение с соседями и родственниками, а также более короткий световой день зимой, требуют эффективного распределения времени и быстрого переключения между различными задачами. Влияние городского ритма жизни, предполагающего высокую скорость и многозадачность, также способствует увеличению количества действий в течение дня («В городе время быстро идет, по часам как-то. Всё время зависишь от времени. День проходит быстрее, но без пользы, в отличие от тундры. Там я совсем не обращаю внимания на время, оно для меня не имеет значения. В тундре я никогда не смотрю на часы, а в городе — постоянно»).

Разница между количеством действий в тундре и поселке обусловлена не только особенностями образа жизни, но и существенными различиями в предметном мире, окружающем женщин. В городской среде человек взаимодействует с гораздо большим количеством вещей, техники и приборов, чем в тундре. Современное жилище наполнено различными предметами быта, электроникой, мебелью и декором, что требует постоянного внимания и ухода. Кроме того, городская инфраструктура предоставляет доступ к широкому спектру услуг и сервисов, таких как магазины, общественный транспорт, медицинские и образовательные учреждения, что также увеличивает количество ежедневных контактов и действий.

В свою очередь, жизнь в тундре характеризуется большей простотой и вещным минимализмом в отношении материальных объектов (Головнёв 2017: 13). Традиционное жилище (чум) и кочевой образ жизни предполагают ограниченное количество вещей, необходимых для выживания и поддержания быта. Многие действия, такие

как приготовление пищи, связаны с непосредственным использованием природных ресурсов и не требуют сложных приспособлений. Социальные контакты в тундре также более ограничены и сосредоточены вокруг семьи и ближайшего окружения, что сокращает число ежедневных взаимодействий.

Сравнение продолжительности действий Татьяны Соболевой в тундре и Маргариты Тайбарей в поселке раскрывает особенности их повседневности, обусловленные средой и образом жизни. Обе женщины уделяют значительное время заботе о детях (Татьяна — 1 ч. 59 мин., Маргарита — 1 ч. 33 мин.) и приготовлению пищи (Татьяна — 2 ч. 13 мин., Маргарита — 2 ч 28 мин. на кухонном столе и 1 ч 49 мин. у плиты), что свидетельствует о приоритете семейных ценностей и важности домашнего очага. Общение с родственниками и соседями также занимает заметное место в распорядке дня обеих женщин (Татьяна — 39 мин. с сестрой и 37 мин. с родственниками и соседями, Маргарита — 1 ч. 2 мин. с мамой, 1 ч. 9 мин. с сестрой и 40 мин. с соседями).

У Татьяны значительная часть времени посвящена традиционным видам деятельности, связанным с оленеводством: уход за оленями (1 ч. 15 мин.), работа с нартами (48 мин.), обработка шкур и шитье (1 ч. 10 мин.). Кроме того, она уделяет время специфическим тундровым занятиям: поддержанию очага (55 мин.) и заготовке дров (19 мин.).

Распорядок дня Маргариты демонстрирует ее адаптацию к современным условиям жизни в поселке. Она больше времени проводит, используя бытовые приборы и удобства: телефон (2 ч. 6 мин.), транспорт (1 ч. 2 мин.), туалет и ванну (17 мин.).

Наблюдения за женским днем в Сеяхинской тундре и в поселке Яр-Сале, проведенные С. Е. Раздымаха, показывают, что женщина в тундре может позволить себе отдых от 7 до 49 мин. (в случае плохой погоды), а в поселке до 4 часов: «На отдых в день у Анине [Сэротэтто] ушло 4 ч. 30 мин. (!), который состоял из ежедневной вечерней прогулки (1 ч. 10 мин.), просмотра сериала (1 ч. 25 мин.) и телепередач (1 ч. 55 мин.). Такой длительный отдых жительницы тундры не могут себе выделить» (*Раздымаха 2022: 407–408*).

В ритмограмме Татьяны Соболевой не зафиксировано конкретное время, выделенное на отдых (за исключением, разумеется, ночного сна). Можно предположить, что некоторые моменты, такие как общение с соседками на стойбище и в соседнем чуме, а также наблюдение за ловлей оленей (37 мин.), могут включать элементы отдыха. В действиях Маргариты отмечено, что она уделяет 1 ч. 7 мин. личной гигиене (включая прием ванны). Кроме того, она проводит 2 ч. 6 мин. в телефонном общении. Городские условия и современные технологии предоставляют Маргарите больше возможностей для отдыха и расслабления, в то время как традиционный уклад жизни в тундре требует от Татьяны постоянной активности и вовлеченности в череду дел.

Пространство

Переход от жизни в чуме к городской/поселковой квартире ведет к кардинальному изменению организации жилого пространства. Традиционный чум характеризуется открытой планировкой, концентрацией всех домашних процессов вокруг центрального очага, разделением пространства на мужскую и женскую половины. Ритмограмма Татьяны показывает, что все основные домашние практики (приготовление пищи, прием гостей, рукоделие) сконцентрированы внутри чума и привязаны к печи-очагу (*Рис. 1*).



Rис. 1. Татьяна

Соболева в чуме у очага.
Большеземельская тундра.
2024 г. Фото Т. С. Киссер

жизнеобеспечения семьи.

Территория стойбища является вторым по значимости пространством деятельности, где зафиксировано 54 действия. Это пространство включает в себя несколько важных локаций: круг нарт (13 действий), кораль (8 действий) и место для дров (4 действия). На территории стойбища Татьяна занимается разнообразной деятельностью: от заготовки дров и оленеводства до социальных взаимодействий с другими членами общины. Здесь она также выполняет традиционные женские работы: развещивание шкур для сушки и заготовку камусов.

Соседский чум отмечается в ритмограмме только 3 раза. Там она общается с родственниками. Количество выходов из чума и входов в него (21) свидетельствует о постоянном перемещении между внутренним пространством жилища и внешним пространством стойбища, что характерно для кочевого образа жизни.

В поселке пространственная организация женской повседневности существенно меняется. Квартира становится основным местом женских практик, заменяя собой чум. Однако структура и функции домашнего пространства в поселке сильно отличаются от традиционного жилища. Квартира имеет четкое разделение на отдельные комнаты с конкретным назначением — кухня, спальня, гостиная, ванная и т. д. Это разделение отражает современные представления о приватности, гигиене и комфорте, но в то же время нарушает привычную для ненецкой культуры целостность и многофункциональность жилого пространства (Харючи 1999: 46).

Ритмограммы женщины в поселке показывают, что их перемещения по дому более фрагментированы и привязаны к конкретным помещениям. Значительную часть времени она проводят на кухне, занимаясь приготовлением пищи и мытьем посуды, а также в комнате, где расположены спальные места и хранятся личные вещи. В частности, большая часть активности Маргариты Тайборей сосредоточена на кухне, где она проводит значительное время, занимаясь приготовлением пищи (и выпечки), уборкой

Собственный чум является центральным пространством активности женщины. Здесь зафиксировано наибольшее количество действий — 124. Чум служит основным местом для выполнения домашних обязанностей, ухода за детьми, приготовления пищи и отдыха. Здесь же происходит большая часть социальных взаимодействий с членами семьи — разговоры с мужем, общение с детьми. Чум также является местом, где Татьяна выполняет традиционные женские работы: шитье, приготовление пищи и поддержание очага.

Ритмограммы показывают, что женщина проводит большую часть времени внутри чума, перемещаясь между различными функциональными зонами в соответствии с ритмом повседневных дел. Ее движения по чуму образуют сложную траекторию, отражающую многообразие выполняемых задач и социальных взаимодействий. При этом пространство чума не является замкнутым и изолированным — оно тесно связано с окружающим ландшафтом тундры, откуда женщина приносит воду, дрова и другие средства

и мытьем посуды (68 действий). Это подчеркивает центральную роль кухни как функционального и социального пространства в повседневной жизни женщины. Другие части квартиры, такие как комната (17 действий), ванная и туалет (15 действий), коридор (14 действий) и подсобное помещение (9 действий), также являются зонами активности, связанными с уборкой, личной гигиеной, хранением вещей и общением с семьей (Рис. 2).

Общественные места — магазин (8 действий), амбулатория (4 действия) и пункт выдачи «Озон» (2 действия) — занимают меньшую долю в общем количестве действий Маргариты, но играют важную роль в обеспечении здоровья детей, приобретении необходимых товаров и получении заказов («На Озоне заказываю, в основном, вещи для тундровой жизни») (ПМА-2025).

Транспорт, в данном случае такси (4 действия), является связующим звеном между домом и общественными местами, обеспечивая мобильность и доступ к необходимым услугам. «Пространство соседства», представленное квартирой соседей (3 действия), отражает социальные связи и взаимопомощь в бытовых вопросах, характерные для жизни в поселке.

Виртуальное пространство, доступное через телефон, также является важной частью повседневной жизни Маргариты, давая возможность ей общаться, искать информацию (в том числе гастрономические и медицинские рецепты) и заказывать товары онлайн.

Предметный мир

Ритмограммы позволяют проследить, как меняется состав и функции вещей, используемых в повседневной жизни, а также их символические значения и эмоциональные привязанности. В традиционном чуме каждый предмет имеет свое строго определенное место и назначение, обусловленное как практическими потребностями, так и культурными нормами. Женский набор включает в себя предметы для приготовления пищи (чайники, котлы, ножи, доски), обработки шкур и пошива одежды (иглы, напёрстки, скребки), ухода за детьми (люльки, игрушки) и др.

Предметный мир Татьяны Соболевой неразрывно связан с ее повседневной жизнью в тундре и отражает традиционный уклад ненцев-оленеводов.

27 июля 2024 г.:

Печка — растапливала, готовила еду, грела воду и ставила чайник на печку 15 раз.

Посуда — использовала и мыла посуду 13 раз.

Чайник — взаимодействовала с чайником 6 раз (ставила на печь, снимала, наливалась чай).



Рис. 2. Маргарита Тайборей наливает чай дочери. Воргашор. 2025 г. Фото Т. С. Киссер

Дрова — брала дрова и подкидывала в печь 7 раз.

Игла, нитка, шкура — использовала для шитья и чинки одежды 5 раз.

Нож — взяла нож 3 раза для различных целей (разделка оленя, приготовление пищи).

Как мы видим, большинство предметов, которые она использует, являются не просто утилитарными вещами, но и символическими. Нож, чайник, посуда, дрова и печка — это не только инструменты для выживания, но и символы домашнего очага.

В поселке предметный мир женщины существенно меняется. Многие традиционные вещи заменяются покупными аналогами — электроприборами, готовой одеждой и обувью. Это делает быт более комфортным и освобождает время для других занятий, но в то же время нарушает привычные ритмы взаимодействия с предметами и обесценивает их символическую значимость. Некоторые традиционные вещи, связанные с кочевым образом жизни (нюки для чума, наряды, арканы), вообще исчезают из обихода или сохраняются только как элементы декора и сувениры.

Предметный мир Маргариты Тайборей связан с коммуникациями, приготовлением пищи, уборкой и организацией быта:

26 марта 2025 г.:

Посуда — использование тарелок, чашек, ложек, кастрюль и другой кухонной утвари для приготовления и подачи пищи, мытье посуды 48 раз.

Продукты — доставание ингредиентов для приготовления блюд, употребление готовых продуктов, убиение продуктов в холодильник 36 раз.

Телефон — использовала для общения, поиска информации, просмотра рецептов 29 раз.

Кухонная техника:

- Холодильник — доставание и убиение продуктов 20 раз.
- Плита/духовка — приготовление блюд, выпечка 15 раз.
- Миксер — приготовление теста и крема 4 раза.

Предметы для уборки — тряпки, губки, щетки, средство для мыться посуды 12 раз.

Важной тенденцией является включение новых, нетрадиционных предметов в ритмы повседневной жизни. Ритмограммы фиксируют, как женщины осваивают современную бытовую технику, средства связи, медицинские и гигиенические товары. Эти вещи не только меняют бытовые практики, но и влияют на мировоззрение, создают новые потребности.

Таким образом, трансформация предметного мира при переходе от чума к квартире носит сложный и неоднозначный характер. С одной стороны, происходит замещение традиционных вещей промышленными аналогами и утрата их сакрального значения. С другой стороны, женщины находят способы сохранить и адаптировать значимые предметы к новым условиям, осваивают новые вещи, встраивая их в традиционные ритмы и практики («Хочу нынче купить стиральную машинку и увезти в тундру, очень ее там не хватает»; «Надо не забыть взять с собой в тундру миксер, люблю стряпать»). Этот процесс отражает общую динамику культурных изменений у ненцев, сочетающую элементы преемственности и новаторства.

Хозяйственные практики

В традиционном кочевом укладе основные хозяйствственные обязанности женщины включают в себя приготовление пищи, пошив одежды, обработку шкур, уход за детьми и пожилыми родственниками, а также участие в некоторых видах работ, связанных с оленеводством (работа в корале, помощь при перекочевках, обустройство стойбищ) и др.

Тундровая ритмограмма показывает, что в чуме эти практики образуют целостный и неразрывный цикл, подчиненный естественным ритмам природы и потребностям семейного хозяйства. Женщина встает рано утром, разжигает очаг и готовит еду для всей семьи. Затем она помогает мужу на работах в корале. Днем занимается обработкой шкур или шитьем одежды и другими рукоделиями, прерываясь для приготовления обеда и ухода за детьми. Вечером она готовит ужин, помогает мужу с хозяйственными работами. Все эти действия выполняются в тесной связи с окружающей средой — женщина использует природные ресурсы (воду, дрова, шкуры, ягоды) и ориентируется на погодные условия и состояние пастбищ (*Рис. 3*).

В поселке характер и ритм хозяйственных практик существенно меняется. Многие традиционные виды деятельности, связанные с кочевым образом жизни (выпас оленей, обустройство стойбищ), теряют свою актуальность. Вместо них на первый план выходят практики, связанные с ведением домашнего хозяйства в условиях квартиры — приготовление пищи, уборка, стирка, уход за детьми и т. д.

Ритмограммы показывают, что в поселке эти практики более фрагментированы и менее связаны с природными циклами. Женщина готовит еду на электрической или газовой плите, пользуется водопроводом и канализацией, покупает продукты в магазине. Электричество, водопровод и канализация позволяют использовать электрические плиты, духовки, микроволновые печи и стиральные машины, значительно облегчая приготовление пищи и стирку. Холодильник дает возможность хранить скоро портящиеся продукты и готовить более разнообразные блюда (хотя даже в поселке женщина продолжает называть холодильник «ларь»), а централизованное снабже-



Рис. 3. Татьяна Соболева в корале. Большеземельская тундра. 2024 г. Фото Т. С. Киссер



Рис. 4. Маргарита Тайборей в пункте выдачи Озон. Воргашор. 2025 г. Фото Т. С. Киссер

ние водой и электричеством избавляет от необходимости собирать дрова и ходить за водой, как это происходит в тундре. Женщина в городе не тратит время на пошив одежды, поскольку многие предметы гардероба можно приобрести готовыми («В городе вещей для детей надо много, а тундре достаточно малицы»). В то же время появляются новые хозяйствственные обязанности, связанные с работой вне дома, взаимодействием с социальными службами и учреждениями (*Рис. 4*).



Рис. 5. Татьяна Соболева с дочерью крутит фарш. Большеземельская тундра.
2024 г. Фото Т. С. Киссер



Рис. 6. Маргарита Тайборей с дочерью готовят тесто. Воргашор.
2025 г. Фото Т. С. Киссер

2. Уборка и домашние дела:

- Татьяна делает уборку в чуме 14 раз, в том числе подметает пол, моет посуду, убирает со стола и стирает.
- Маргарита делает уборку в квартире 18 раз, включая мытье посуды, уборку со стола, подметание, стирку и уборку в ванной и туалете.

3. Уход за детьми:

- Татьяна совершает действия с детьми 19 раз, включая кормление, переодевание, укладывание спать и игры.
- Маргарита совершает действия с детьми 29 раз, включая кормление, одева-

Переход к временной оседлости не только меняет характер хозяйственных практик, но и влияет на распределение гендерных ролей в семье. Если в тундре женщина выполняет большую часть работ по дому и уходу за детьми, то в поселке эти обязанности нередко распределяются более равномерно между супругами. Мужчины активнее участвуют в приготовлении пищи, уборке, воспитании детей, особенно если жена работает вне дома. Это ведет к трансформации традиционных представлений о мужских и женских ролях, хотя и не устраниет полностью гендерное разделение труда.

При сравнении хозяйственных практик в ритмограммах Татьяны Соболевой и Маргариты Тайборей заметны различия:

1. Приготовление пищи:
 - Татьяна готовит еду 4 раза в течение дня, используя печку, газовую плиту и костер.
 - Маргарита готовит еду 7 раз (включая выпечку: печенье, пирог и торт), используя электрическую плиту, духовку, миксер, блендер и микроволновку.

ние, гигиенические процедуры, поход в поликлинику, игры.

4. Уход за животными:

- Татьяна занята в оленеводстве 7 раз, включая ловлю и ветеринарию.
- В ритмограмме Маргариты нет действий с животными.

5. Рукоделие и ремесла:

- Татьяна занимается шитьем и изготовлением лиptов 5 раз в течение дня.
- В ритмограмме Маргариты нет занятий шитьем и рукоделием (*Рис. 5, 6*)

Таким образом, сопоставление ритмограмм показывает, что переход от жизни в чуме к жизни в квартире ведет к трансформации женских хозяйственных практик у ненцев. Традиционные виды деятельности, связанные с кочевым укладом, уступают место новым практикам, обусловленным оседлостью и включением в современную экономику и социальную инфраструктуру.

Социальные коммуникации

В чуме повседневные связи ограничены кругом семьи и соседних чумов, они не-посредственны и происходят в межличностном общении. Ритмограмма фиксирует неоднократные контакты Татьяны Соболевой с мужем, детьми, сестрой, соседями в течение дня. Наиболее часты контакты с сестрой (54 раза), с которой она делит многие домашние обязанности: приготовление пищи, уборка, уход за детьми и поддержание порядка в чуме. Они часто общаются на ненецком языке.

27 июля 2024 г.:

- Поддерживала порядок и очаг вместе с сестрой (22 раза)
- Готовила еду, накрывала на стол и общалась с сестрой (одновременно) (17 раз)
- Говорила с сестрой (5 раз)
- Ухаживала за детьми вместе с сестрой (5 раз)
- Помогала сестре в гигиенических процедурах (3 раза)
- Сходила с сестрой в туалет (2 раза)

Татьяна активно взаимодействовала со своими детьми на протяжении дня (19 раз) по различным поводам, включая кормление, совместные занятия, общение, игры, гигиену и заботу об их здоровье.

27 июля 2024 г.:

- Переодевала детей (7 раз)
- Кормила (3 раза)
- Играла (3 раза)
- Учила ходить дочь (1 раз)
- Ругала сына (1 раз)
- Успокаивала сына (1 раз)
- Приучала сына к горшку (1 раз)
- Мазала раны детям (1 раз)
- Смотрела мультики с детьми (1 раз)

Взаимодействие с мужем (10 раз) в течение дня связано в основном с работой на стойбище, оленеводством и совместным принятием решений. Татьяна помогает мужу в корале, общается с ним на стойбище и обсуждает бытовые вопросы. Это отражает традиционное разделение труда у ненцев-оленеводов и важность сотрудничества между супружами.

27 июля 2024 г.:

- Разговаривала с мужем (7 раз)
- Ходила за мужем в корале
- Вывела оленя для упряжки мужа
- Ловила оленей с мужем

Контакты с родственниками и соседями по стойбищу (7 раз) включают участие в совместных делах: разделка оленя, наблюдение за ловлей оленей, общение и обмен новостями.

27 июля 2024 г.:

- Разговаривала с соседями и свекровью (5 раз)
- Наблюдала за ловлей оленей с родственниками
- Айбурдачила с родственниками

Для общения с родителями, которые живут на другом стойбище, Татьяна использует радио. В целом, социальные контакты Татьяны Соболевой отражают традиционный уклад жизни ненцев-оленеводов, основанный на крепких семейных и общинных связях, взаимопомощи и обмене опытом.

Анализ коммуникаций Маргариты Тайборей показывает, что близкий круг ее общения не отличается от тундрового — это дети (29 раз), сестра и зять (13 раз), мама (10 раз), сотрудники учреждений и магазинов, таксист (6 раз), соседи (2 раза). Оговоримся, что муж Маргариты в день записи ритмограммы был в тундре, поэтому данные о контактах с ним не представлены.

Маргарита Тайборей, проживая в поселке, имеет возможность уделять больше времени своим детям по сравнению с Татьянной Соболевой, живущей в тундре. Маргарита освобождена от многих трудоемких задач, связанных с кочевым образом жизни. В результате у нее появляется больше свободного времени, которое она посвящает детям.

26 марта 2025 г.:

1. *Общение и указания (11 раз):*

- Разговаривала с детьми (4 раза)
- Говорила с дочерью (3 раза)
- Говорила с сыном (2 раза)
- Давала указания (2 раза)

2. *Совместные занятия и помощь (5 раз):*

- Дочь помогала накрывать на стол и мыть посуду (2 раза)
- Играла с сыном (1 раз)
- Прибирала постели и мусор в комнате с дочкой (1 раз)
- Собирала и раскладывала вещи в шкаф вместе с детьми (1 раз)

3. *Забота и уход (8 раз):*

- Кормила детей (3 раза)
- Одевала детей (2 раза)
- Осмотривала дочь, гладила, ругала, что неумытая (1 раз)
- Разливала детям йогурт (1 раз)
- Причесала дочь (1 раз)

4. *Совместные выходы (3 раза):*

- Ездила с детьми на такси в зубной (1 раз)
- Ходила с детьми в Ozon (1 раз)
- Распаковывала покупки из Ozon вместе с детьми (1 раз)

Частые контакты с сестрой и зятем свидетельствуют о близких семейных связях и регулярном общении между родственниками. Совместные приемы пищи и чаепития являются важной частью семейной жизни не только в поселке, но и в тундре, тем более, что сестры живут на одном стойбище в тундре. Несмотря на довольно частые контакты с сестрой и зятем, их взаимодействие ограничивается в основном домашней обстановкой и не включает в себя совместные выходы или действия вне дома.

26 марта 2025 г.:

1. Совместные трапезы и чаепития (4 раза):

- Разговаривала с сестрой, зятем и мамой во время чаепития (2 раз)
- Кормила сестру и зятя (2 раз)

2. Встреча и проводы (2 раза):

- Встречала в коридоре сестру и зятя (1 раз)
- Провожала сестру (1 раз)

3. Совместные занятия и общение (7 раз):

- Говорила с сестрой (4 раза)
- Смотрели видео в телефоне с сестрой (1 раз)
- Делали заказ в Ozon с сестрой (1 раз)
- Баловались с сестрой (1 раз)

В поселке меняется характер социальных связей и коммуникаций. Важной особенностью городской и поселковой жизни является широкое использование технических средств коммуникации — телефона, интернета, социальных сетей. Из ритмограмм видно, что женщины активно пользуются этими инструментами для общения с родными и друзьями, получения информации, заказов на маркетплейсах, организации встреч. Это позволяет поддерживать социальные связи на расстоянии и быть в курсе событий в жизни близких людей. Маргарита часто прибегает к телефону для общения, особенно с дочерьми, которые учатся в интернате. Кроме того, она использует телефон для поиска информации, например, кулинарных рецептов, а также для совершения онлайн-покупок и взаимодействия в социальных сетях («Целый день в Вконтакте не была, надо исправляться»). Использование телефона является формой отдыха («Надо в телефоне полежать, отдохнуть») (ПМА-2025). Согласно ритмограмме, Маргарита часто использует телефон в течение дня для различных целей. Всего Маргарита обращалась к телефону 29 раз в течение дня.

26 марта 2025 г.:

1. Общение и звонки (8 раз):

- Общение с дочерью (3 раза)
- Звонки (5 раз)

2. Поиск информации и просмотр контента (13 раз):

- Проверяла социальные сети (4 раза)
- Смотрела рецепты в телефоне (4 раза)
- Делала заказ в Ozon (1 раз)
- Сидела в телефоне (4 раза)

3. Другое использование (8 раз):

- Искала телефон (5 раз)
- Использовала телефон как часы (3 раза)

Другой важной особенностью коммуникации Маргариты является использование ненецкого языка в общении с семьей. Она разговаривает со своими детьми и

родственниками исключительно на ненецком языке. Однако, в отличие от жизни в тундре, где ненецкий язык доминирует во всех сферах общения, в поселке Маргарите приходится использовать и русский язык — при посещении магазинов, учреждений и в общении с соседями. Таким образом, языковая ситуация в поселке характеризуется билингвизмом и переключением в зависимости от контекста общения.

Еще одной особенностью социальных контактов Маргариты является эпизодичность связей с тундровиками: «Я за все время, пока в поселке, один раз встречалась с тундровиками, помогала в МФЦ документы оформить. В поселке мы почти не встречаемся» (ПМА-2025).

Таким образом, коммуникации у ненцев претерпевают значительные изменения при переходе от жизни в тундре к жизни в поселке. В тундре общение ограничено кругом семьи и соседних чумов, оно непосредственно и личностно. В поселке коммуникации адаптированы к новым условиям жизни, сочетая традиционные ценности и современные возможности.

* * *

Сравнительный анализ ритмограмм деятельности женщин-ненок в тундре и поселке показывает трансформации всех сфер повседневности при переходе от чума к квартире (имея в виду не эволюционный сдвиг, а сезонный ритм полуночевой жизни). Меняется организация жилого пространства, распорядок дня, способы приготовления пищи, формы досуга и характер коммуникации. Городской образ жизни предполагает большую дифференциацию и индивидуализации повседневных практик.

При переходе к оседлости наблюдается существенное ускорение течения времени. Если в тундре ритм жизни преимущественно размеренный, соответствующий естественным процессам и включающий продолжительные периоды однообразной деятельности, то в городской среде отмечается ощущение «нехватки времени» и необходимость постоянной синхронизации с внешними сигналами. Характерно высказывание Маргариты Тайборей: «В тундре время течет медленнее, оно как будто раскинуто пространством, а в городе его всегда не хватает» (ПМА-2025).

В условиях тундры женская повседневность структурирована вокруг циклических природных ритмов (сезонные изменения, суточные колебания освещенности, периоды миграции оленей) и задач хозяйственного цикла (кочевки, забой оленей). Временные ориентиры здесь преимущественно естественные, а разделение суток на отрезки условно и подвижно. Городская/поселковая повседневность ненецких женщин характеризуется доминированием линейного времени, строгой хронометрией, подчинением институциональным ритмам (рабочий день учреждений, расписание приемов в поликлинике и др.) и значительной фрагментацией деятельности.

Полуночевой образ жизни ведет к кардинальному изменению организации жилого пространства в поселке, перераспределению видов деятельности и трансформации предметного мира. В поселке пространственная организация женской повседневности меняется: квартира имеет четкое разделение на отдельные комнаты со своим назначением, а многие традиционные практики и предметы быта трансформируются или исчезают, замещаясь промышленными аналогами.

Хозяйственные практики и социальные связи также претерпевают значительные изменения при переходе от кочевья к оседлости. В тундре женщины выполняют широкий спектр работ, связанных с приготовлением пищи на очаге, сбором дров

и воды, заботой о детях и муже, обработкой шкур и шитьем, а их общение ограничено кругом семьи и соседних чумов. В поселке на первый план выходят практики, связанные с ведением домашнего хозяйства в условиях квартиры, появляются новые возможности, связанные с доступом к современным удобствам, магазинам, медицинским услугам. Коммуникация становится более разнообразной и опосредованной техническими средствами, расширяется круг социальных и виртуальных контактов. Однако многие традиционные ценности, в том числе родственные связи и общение на родном языке, сохраняются и в условиях поселка.

В целом, адаптация ненцев к оседлости и городской жизни представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий в себя как освоение новых практик и возможностей, так и сохранение традиционных элементов культуры в новых условиях. Женщины играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая преемственность поколений и устойчивость ненецкой культуры в меняющемся мире.

Источники и материалы

- ПМА–2023, 2024 — Полевые материалы автора, Большеземельская тундра, семейно-родовая община «Ямб То», 2023, 2024 г.
- ПМА–2025 — Полевые материалы автора, Воркута, Воргашор, семейно-родовая община «Ямб То», 2025 г.

Научная литература

- Волжанина Е. А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Головнёв А. В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 6–16.
- Головнёв А. В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.
- Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-2-6-45>
- Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб: МАЭ РАН, 2018. 352 с.
- Кириллова Л. В. Ненецкая женщина в разных временных измерениях // История и современность народов Ямала. Салехард: Окружная научная лаборатория этнографии и этнолингвистики, 1995. С. 28–31.
- Киссер Т. С. Между мобильностью и оседлостью: экспедиция в Большеземельскую тундру // Кунсткамера. 2024. № 4 (26). С. 191–200.
- Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Европейские ненцы: трансформация традиций и обновление этничности // Этнография. 2024. № 4 (26). С. 110–139.
- Лярская Е. В. Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.
- Попова А. Г. Женщины Северных меньшинств: между стойбищем и городом // Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности / Отв. ред. И. И. Подойницына. Новосибирск: Наука, 2004. С. 163–187.
- Раздымаха С. Е. Визуализация женского пространства в традиционной культуре ненцев // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 5–1. С. 403–411.
- Сэрпиво С. Е. Женское пространство в культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 142 с.
- Харючи Г. П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 44–53.

Харючи Г. П. Ненецкое жилище: традиции и изменения // Народы Северо-Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. Вып. 8. Томск: Издательство Томского университета, 1999. С. 44–54.

Хомич Л. В. Ненецкая женщина до и после Великой Октябрьской революции: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1951. 208 с.

Bjørklund I. A Journey to the Bolshezemelskaja Tundra // The Barents Region, edited by I. Bjørklund, J. J. Møller, and P. K. Reymert. Tromsø: University of Tromsø, Tromsø Museum, 1995. P. 71–80.

References

- Bjørklund, I. A. 1995. Journey to the Bolshezemelskaja Tundra. In *The Barents Region*, ed. by I. Bjørklund, J. J. Møller, and P. K. Reymert. Tromsø: University of Tromsø, Tromsø Museum. 71–80.
- Golovnev, A. V. 2015. Chukotskii dnevnik: razmyshleniia o dvizhenii [Chukotka Diary: Reflections on Movement]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 2(47): 6–16.
- Golovnev, A. V. 2017. Arkticheskii etnodizain [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 2(55): 6–15.
- Golovnev, A. V. 2018. Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniiia [Arctic Nomads: The Art of Movement]. *Etnografija* 2: 6–45. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-2-6-45>
- Golovnev, A. V., D. A. Kukanov, and E. V. Perevalova. 2018. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. Saint Petersburg: MAE RAN. 352 p.
- Khariuchi, G. P. 1999. Nenetskoe zhilishche: traditsii i izmenenia [Nenets Dwelling: Traditions and Changes]. In *Narody Severo-Zapadnoi Sibiri* [Peoples of North-West Siberia], ed. by N. V. Lukina. Iss. 8. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo Universiteta. 44–54.
- Khariuchi, G. P. 2010. Nenetskaia zhenshchina v nauke: k voprosu ob osobennostiakh issledovaniia sakral'noi sfery [Nenets Woman in Science: On the Issue of the Peculiarities of the Study of the Sacred Sphere]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 44–53.
- Khomich, L. V. 1951. *Nenetskaia zhenshchina do i posle Velikoi Oktiabr'skoi revoliutsii* [Nenets Woman Before and After the Great October Revolution]: Ph.D. diss., Leningrad State University. 208 p.
- Kiripova, L. V. 1995. Nenetskaia zhenshchina v raznykh vremennykh izmereniiakh [Nenets Woman in Different Time Dimensions]. In *Istoriia i sovremennost' narodov Yamala* [History and Modernity of the Peoples of Yamal], ed. by N. V. Lukina, Z. I. Randymova. Salekhard: Okruzhnaia nauchnaia laboratoriia etnografii i etnolingvistiki. 28–31.
- Kisser, T. S. 2024. Mezhdu mobil'nost'iu i osedlost'iu: ekspeditsiia v Bol'shezemel'skuiu tundru [Between Mobility and Sedentarism: An Expedition to the Bolshevik Tundra]. *Kunstkamera* 4 (26): 191–200.
- Kisser, T. S., and E. V. Perevalova. 2024. Evropeiskie nentsy: transformatsiia traditsii i obnovlenie etnichnosti [European Nenets: Transformation of Traditions and Renewal of Ethnicity]. *Etnografija* 4(26): 110–139.
- Liarskaia, E. V. 2010. Zhenshchiny i tundra: Gendernyi sdvig na Yamale? [Women and the Tundra: Gender Shift in Yamal?]. *Antropologicheskii forum* 13: 3–38.
- Popova, A. G. 2004. Zhenshchiny Severnykh men'shinstv: mezhdu stoibishchem i gorodom [Women of Northern Minorities: Between Camp and City]. In *Zhenshchina Severa: poisk novoy sotsial'noy identichnosti* [Woman of the North: Search for a New Social Identity], ed. by I. I. Podoinitsyna. Novosibirsk: Nauka. 163–187.
- Razdymakha, S. E. 2022. Vizualizatsiia zhenskogo prostranstva v traditsionnoi kul'ture nentsev [Visualization of Female Space in Traditional Nenets Culture]. In *Kul'tura i tsivilizatsiia* 12(5–1): 403–411.
- Serpivo, S. E. 2016. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture nentsev* [Women's Space in the Culture of the Nenets]. Saint Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia. 142 p.
- Volzhanina, E. A. 2010. *Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev Yamala v 20–nachale 21 veka* [Ethnodemographic Processes Among the Nenets of Yamal in the 20th — early 21st Centuries]. Novosibirsk: Nauka. 312 p.